II.

Сорокъ лѣтъ назадъ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній о Рязанской Духовной Семинаріи).

О школьномъ воспитаніи дѣтей и юношей въ обществѣ высказывается нѣсколько разногласныхъ мнѣній. Одни недовольны ни прошлой, ни настоящей системой школьнаго воспитанія; другіе защищаютъ положеніе воспитательнаго дѣла въ настоящее время; третьи, меньшинство, даютъ предпочтеніе духу и направленію воспитанія въ старое, дореформенное время.

Пишущему эти строки довелось между бумагами одного недавно умершаго священника найти часть рукописи, посвященной воспоминанію о нѣкоторыхъ наставникахъ Рязанской Духовной Семинаріи 50-хъ годовъ. Семинарія этого времени обыкновенно представляется въ видѣ темной бурсы, преподаватели ея въ видѣ схоластиковъ безъ любви къ наукѣ, безъ сердечнаго сочувствія къ воспитанникамъ. Не безполезно поэтому послушать человѣка, въ которомъ старая семинарія и ея преподаватели оставили благоговѣйныя

воспоминанія. Эти воспоминанія, не отличаясь полнотою и цѣльностію, даютъ однако понять, что и дореформенное воспитаніе въ семинаріи не чуждо было хорошихъ сторонъ. Въ виду этого интереса извинимъ автору рукописи рѣзкіе и не вполнѣ справедливые отзывы о нынѣшнемъ воспитаніи и предоставимъ слово ему самому.

«Въ наше время семинарія мало походила на нынѣшнюю. То было время матеріальной скудости, спартанской суровости, но и время сильной вѣры, сильныхъ характеровъ и высокой нравственной жизни. Тогда не было внѣшнихъ признаковъ учености, не было красоты слога и критическаго направленія наукъ, но христіанская истина тогда была во главѣ всѣхъ познаній. Тогда не было современной начитанности въ неправославномъ западномъ духѣ, но работалъ логическій разумъ надъ матеріаломъ, даннымъ въ Св. Писаніи и преданіи. Тогда меньше говорили и проще писали, безъ красныхъ мнимо-послѣднихъ словъ западной науки. Въ воспитанникахъ семинаріи и другихъ учебныхъ заведеній тогда не было того порицательнаго взгляда на учителей, какой вошелъ въ моду нынѣ. Заведи нынѣ рѣчь о преподаваніи, о наставникахъ, съ юношей, окончившимъ курсъ въ какомъ-либо среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи, онъ будетъ смотрѣть на своихъ недавнихъ руководителей сверху внизъ и не увидитъ въ нихъ ничего достойнаго уваженія. Онъ припомнитъ только анекдоты и чудачества одного, простоватость другого, жестоко осмѣиваемаго своими питомцами, нравственную распущенность третьяго, апатичное отношеніе къ учебному дѣлу четвертаго... Грустно и страшно за этихъ юношей, не питающихъ уваженія ни къ кому изъ старшихъ и начальствующихъ, страшно за юношей, поставившихъ себя на ложную высоту.

«Въ наше время наставники или, какъ тогда ихъ называли, профессора семинаріи оставляли глубокій слѣдъ въ головѣ и сердцѣ воспитанниковъ. Были, конечно, исключенія, но нынѣ подобныя исключенія сдѣлались правиломъ. Что касается меня, то въ моей старѣющей памяти остались одни только свѣтлые образы прошлаго. Не обладая способностію живаго изображенія характеровъ и лицъ, я не берусь изобразить весь учительскій персоналъ своего времени; я помяну своимъ неумѣлымъ, но благодарнымъ словомъ только нѣкоторыхъ профессоровъ богословія въ Рязанской Духовной Семинаріи начала 50-хъ годовъ.

«Ректоромъ семинаріи въ то время былъ архимандритъ Антоній, оставившій каѳедру вслѣдствіе потери зрѣнія отъ долгой педагогической службы и скончавшійся въ санѣ архіепископа Пермскаго. Онъ началъ свою педагогическую дѣятельность, кажется, съ должности инспектора Виѳанской семинаріи и подъ его руководствомъ воспитался славный церковный витія архіепископъ харьковскій Амвросій. Читая проповѣди преосв. Амвросія, я въ построеніи и тонѣ этихъ проповѣдей какъ бы слышу голосъ своего учителя о. архимандрита Антонія.—Строгій къ самому себѣ, о. Антоній строгъ былъ и къ намъ, но въ этой строгости мы невольно чувствовали отеческую заботливость и расположеніе о. ректора къ намъ—семинаристамъ. Живо помню я первую его лекцію по богословію. Онъ такъ логично, сильно и убѣжденно говорилъ, что до глубины души тронулъ своихъ учениковъ и самъ отъ слезъ не могъ продолжать лекцію. Урокъ его обыкновенно продолжался около $2^1/_2$ часовъ ежедневно и всегда это время казалось недостаточнымъ для него и неутомительнымъ для насъ. Начинался урокъ обыкновенно съ того, что

о. ректоръ вызывалъ одного изъ воспитанниковъ на середину [1]) съ греческимъ Новымъ Завѣтомъ и заставлялъ его прочитать нѣсколько стиховъ изъ апостольскихъ посланій. Сдѣлавъ ученику нѣсколько вопросовъ касательно прочитаннаго, ректоръ самъ начиналъ объясненіе прочитанныхъ стиховъ и раскрытіе богословскихъ истинъ, въ нихъ заключающихся. Но это была еще не лекція, а только подготовленіе къ ней; цѣль этого подготовленія, помимо ознакомленія воспитанниковъ съ св. писаніемъ, заключалась въ томъ, чтобы сообщить имъ сосредоточенное, почти молитвенно-религіозное настроеніе духа. Затѣмъ начиналась очередная лекція, которую мы обыкновенно слушали, затаивъ дыханіе, боясь какимъ-либо шелестомъ и шорохомъ нарушить священную тишину класса. Въ продолженіе года о. ректоръ рѣдко провѣрялъ наши познанія; онъ весь отдавался чтенію лекцій, которыя походили у него на одушевленную проповѣдь догматическихъ истинъ. Только къ концу года онъ требовалъ точнаго отчета въ знаніи учебника и усвоеніи своихъ разъясненій.

«О. ректоръ былъ строгій критикъ ученическихъ сочиненій, проповѣдей и экспромптовъ, число которыхъ было въ то время многочисленнѣе, чѣмъ нынѣ. Эти труды разбирались во время уроковъ и со стороны стиля, и со стороны содержанія. Даже проповѣди наставниковъ семинаріи не избѣгали поправокъ и замѣчаній строгаго цензора, любившаго точность и ясность съ выраженіяхъ.

«Сотрудникъ о. Антонія инспекторъ протоіерей Николай Александровичъ Ильдомскій, какъ яркая звѣзда, блеститъ въ воспоминаніи своихъ воспитанниковъ. Какъ инспекторъ, какъ профессоръ, какъ градскій благочинный и членъ консисторіи, какъ исполнитель всевозможныхъ порученій епархіальнаго начальства, словомъ—во всякомъ дѣлѣ о. Николай Александровичъ былъ неутомимъ до самоотверженія, полезенъ болѣе всякихъ коммиссій и комитетовъ, входилъ во всѣ подробности порученнаго ему дѣла. Многихъ сослуживцевъ своихъ вынесъ онъ на своихъ плечахъ. И умеръ онъ славною смертію трудолюбца въ консисторіи съ перомъ въ рукахъ. При извѣстіи о его смерти ученики семинаріи во время уроковъ, забывъ дисциплину, бросились въ консисторію и перенесли своего строгаго начальника изъ консисторіи въ семинарію на томъ креслѣ, на которомъ онъ умеръ. Массы народа сопровождали эту необычную импровизованную процессію.

«Я не былъ очевидцемъ этой потрясающей сцены, но помню, что первое извѣстіе о смерти о. Николая Александровича оглушило меня. «Умеръ Ильдомскій»,—возможно ли? Что же будетъ безъ него въ семинаріи, въ консисторіи, въ городѣ, въ епархіи? Изсякъ источникъ жизни, погасъ источникъ свѣта!

«Но небезслѣдна была жизнь этого высокаго человѣка для знавшихъ его и особенно для чуткихъ головъ и сердецъ учащейся молодежи. Каждый ученикъ о. Н. А. унесъ на своемъ характерѣ и міровоззрѣніи частицу благотворнаго вліянія своего наставника.

«Винятъ нѣкоторые о. Н. А. въ чрезмѣрной строгости и въ допущеніи тѣлесныхъ наказаній. Но несправедливо къ старому времени прилагать мѣрку

---

[1]) Онъ самъ не любилъ и другимъ наставникамъ не позволялъ спрашивать за партой, чтобы не подавать повода къ подсказыванію или подсматриванію въ книгу во время отвѣта. А нынѣ какъ часто за лѣнивыхъ учениковъ отвѣчаетъ книга или сосѣдъ!

нашихъ понятій и взглядовъ. Въ то время, когда о. Н. А. допускалъ (въ видѣ исключеній) сѣченіе провинившихся, эта мѣра представлялась столь же естественной и необходимой, какъ нынѣ балловыя отмѣтки, карцеръ и голодъ. Весьма вѣроятно, что чрезъ 30—50 лѣтъ и нынѣшніе воспитательные пріемы будутъ осуждены и осмѣяны.

«Но и въ то суровое время были между наставниками люди гуманные и вѣжливые въ отношеніи къ воспитанникамъ. Таковъ былъ нынѣ здравствующій протоіерей І. Е. Л. Самые выговоры его были проникнуты нѣжностію и сопровождались ласковой улыбкой.

«Д. В. П. привлекалъ воспитанниковъ своимъ ровнымъ, справедливымъ отношеніемъ къ нимъ, глубокимъ знаніемъ предмета (церковной исторіи) и яснымъ, логическимъ изложеніемъ его. Онъ понынѣ живъ и трудится въ одномъ изъ духовныхъ учрежденій, какъ поборникъ правды въ борьбѣ съ кривосудіемъ и мздоимствомъ, свойственными этому учрежденію.

«Всѣ эти наставники были лицами духовнаго сана; но преподаватель священнаго писанія Алексѣй Петровичъ Моревъ былъ человѣкъ свѣтскій не по костюму только, но и по направленію. Преданный наукѣ человѣкъ, тонкій діалектикъ, онъ вливалъ и въ насъ любовь къ наукѣ, будилъ нашу мысль живою рѣчью. Отъ ревизоровъ онъ получалъ лучшія аттестаціи и былъ переведенъ, кажется на каѳедру священнаго писанія въ Московскую Духовную Академію. Противъ неисправныхъ учениковъ онъ не принималъ мѣръ строгости, но язвительными насмѣшками стыдилъ ихъ предъ классомъ и доводилъ почти до слезъ.

«Свѣтлыя то были личности, сильные характеры. Они свѣтили намъ во время ученія, заставляли любить науку не ради «кормленія» и матеріальныхъ выгодъ, но какъ руководительницу жизни. Поэтому тогда образованность и благородство душевное были синонимами. Какъ все измѣнилось теперь! Духъ утилитаризма, духъ критики и скептицизма, отравилъ умы новыхъ поколѣній. Годы ученія не вызываютъ въ нихъ благотворныхъ воспоминаній. О своихъ наставникахъ они говорятъ съ осужденіемъ и насмѣшкою.

«Мы же, люди стараго поколѣнія, привыкли все доброе въ нашей жизни и характерѣ относить къ вліянію на насъ нашихъ учителей, а на все злое смотрѣть, какъ на измѣну урокамъ этихъ дорогихъ учителей».

На этихъ словахъ кончаются воспоминанія священника о наставникахъ Рязанской Духовной Семинаріи 50-хъ годовъ.

Сообщено **С. И. О — вымъ.**

III.